

Solo Tango Orquesta

Оркестр образован в 2010 году
Первый состав: Александр Рязанов (скрипка),
Артем Тимин (рояль), Иван Таланин (бандонеон),
Илья Алпеев (контрабас)

Состав 2016 года: Александр Рязанов (скрипка),
Артем Тимин (рояль), Павел Ратынский (бандонеон),
Илья Алпеев (контрабас)

15 лет в танго

Интервью с Александром Рязановым началось на фоне разбушевавшейся стихии. Это был тот известный грозовой период в июле в Москве. Кафе оказалось стилизацией уличного - такие же столики, на полу красивая декоративная плитка и стеклянный потолок, как будто сидишь на улице. И вот только начали говорить, как эти водные хляби рухнули на стекло, а ветер все продолжал кидать на него водные потоки еще и еще. Причем так сильно, что голос собеседника оказался где-то вдали. И невольно возник вопрос, - «бывало ли такое в поездках?» - «Да, буквально год назад на концерте в Больцано, в Италии», - ответил Александр. «Из-за дождя пришлось даже раньше закончить концерт, а ветер перед началом разогнал ноты музыкантов, и им пришлось их отлавливать. Хорошо, что мне не надо было». «А почему?» - «А потому, что мне они не нужны, я все играю наизусть». «И сколько же времени требуется, чтобы запомнить?» - «Один раз на репетиции». Вот так совершенно неожиданно приоткрылась одна из серьезных особенностей Александра как музыканта.

Александр, весной на одной из милонг я узнала, что у вас небольшой юбилей – 15 лет в танго. Вас даже называли пионером! Применительно к танго в России цифра действительно совершенно удивительная. 15 лет назад, а вам тогда было 17 лет, танго в России только появилось, причем именно как танец, а не музыка. Расскажите, как получилось, что вы надели «пионерский галстук»?

где жили с Димой Коваленко. На первой же репетиции мы начали играть квинтетом, т.е. тем же составом, что и у Пьяццоллы: скрипка, контрабас, бандонеон, пианино и гитара. Единственно, что у нас сначала был не контрабас, а бас-гитара. Кстати, у меня даже есть фотографии с этого концерта.

Ну, а ребята – Дима играл на бандонеоне, Марат Мансырев – на пианино,

Другими словами танго возникло в вашей жизни как некое запретное действие? А запретный плод, как известно, сладок...

А. Р. Да, можно и так сказать.

А кто из того первого состава в танго остался?

А. Р. Дима и Женя играют в оркестре «Пасьональ», весьма успешно. С Колей Ковалевым уже давно связь потеряли, а когда наши дороги разошлись с Маратом, появился Артем Тимин, с которым мы потом вместе перешли в Solo Tango Orquesta. Так что основная часть ребят продолжает играть.

Давайте, Александр, поговорим о том, как вы начались как музыкант. Ваша мама – заведующая кафедрой скрипки Норильского музыкального колледжа. Так что неудивительно, что вы выбрали именно этот инструмент. Но вот в данном случае, решающую роль сыграли гены или диктат с ее стороны?

А. Р. Насколько я помню, никакого диктата не было. Наоборот, с моей стороны был интерес. Правда, мама еще знала, как его вызвать. Она придумала, что скрипка – это корабль, гриф – палуба, а пальцы на нем – матросы. Я надевал тельняшку, и мы занимались упражнениями на «палубе». Это было в самом начале, когда мне было 4 года. А потом, когда пошла рутина, все стало скучно, но ровно до тех пор, пока не появлялись какие-то стимулы в виде концертов, выступлений, конкурсов. А, поступив учиться и переехав в Москву, я полюбил это дело всей душой. И люблю до сих пор.

В качестве стимула вы называли выступления. Вас привлекает публичная сторона? А многие как раз этого-то и не любят...

А. Р. Конечно, мы все до сих пор волнуемся перед публичными выступлениями. Наверное, это нормально. А с годами даже появилась такая привычка – играть на публику, что, в общем, тоже иногда неплохо. Главное соблюсти баланс между игрой на публику и игрой реальной.

Как музыкант-скрипач, вы, наверняка, ставили для себя какие-то задачи, чего-то хотели добиться. Что получилось, а что, может быть, еще нет?

А. Р. Изначально была цель – получить высшее образование в Москве, что я и воплотил в жизнь. Единственно были разные нюансы, связанные с самим процессом. Сначала я собирался в училище при консерватории, которое все знают как Мерзляковское училище, поскольку оно расположено в Мерзляковском переулке. Почему-то какие-то стереотипы, что нужно учиться обязательно в нем, у меня были. Дальше был план поступить в консерваторию. Но ни первое, ни второе не сбылось. Зато я поступил в Гнесин-

Женя Козлов, которого сейчас все знают как контрабасиста, тогда играл на гитаре, а Коля Ковалев – на бас-гитаре. Это было единственное выступление, когда они выступали на таких инструментах, а потом они поменялись местами. Женя тогда уже сам начал учиться играть на бас-гитаре и позже поступил на эстрадно-джазовое отделение. После этого выступления он стал играть на этом инструменте с нами, а потом и на контрабасе.

И все-таки почему Пьяццолла? Чем так привлекла эта пьеса?

А. Р. Сама музыка привлекла. Она заманивала тем, что мы ее себе не могли позволить, поскольку все учились не на эстрадно-джазовом отделении, а на обычных классических. А Дима – на народном. И вдруг представился такой замечательный случай – сыграть на концерте, причем не на академическом или каком-то зачетном, а там, где оценка будет только одна – аплодисменты.

ское училище и провел там замечательные четыре года. До сих пор считаю, что это было самое лучшее время моей жизни. Я узнал много нового для себя, познакомился с множеством интересных людей. Было замечательное общение, были какие-то творческие победы, в том числе и тот пресловутый концерт, с которого все пошло и поехало в 2001 году. Был конкурс в декабре 2000 года, тогда

А. Р. Конечно, вытравить «классика» невозможно. Другое дело, что сейчас я уже как-то не представляю, как это выходить на сцену и играть, допустим, Моцарта. Но, честно говоря, хочется, просто пока не было возможности. Надеюсь, осенью она появится. Однако дома, для себя, я до сих пор разучиваю те произведения, которые в бытность студентом не сыграл, а хотелось. Такими занятиями я

премьеру, подготовленную специально для их события. Концерту, не без юмора, дали такое название – Non Solo Tango, поскольку до 2016 года Solo Tango Orquesta в полном составе в течение нескольких лет выступал на фестивале. – ред.).

Какие композиторы звучат?

А. Р. Да, самые разные – Бах, некоторые капризы Паганини. Их цикл, я считаю, одни-

> Лаутаро Греко, Илья Алпеев, Александр Рязанов и Артем Тимин

А. Р. В то время, а это было в 2001 году, все это было не так серьезно. Мы просто собрались вместе, просто решили поиграть одно конкретное танго Пьяццоллы. Это была «Осень в Буэнос-Айресе». А все потому, что у нас были ноты и был повод поиграть. Мы собрались в общегитии, все друг друга знали. Дело происходило в преддверии большого сборного концерта, где участвовали все факультеты. Но туда еще надо было отобраться. Мы прошли отбор и сыграли на этом концерте в большом зале и при большом скоплении народа. Был успех, чего мы не ожидали. А еще мы поняли, что нам нравится выступать вместе и решили продолжить. Это было, в общем-то, случайно. Где все это происходило?

А. Р. В училище имени Гнесиных, и, если мне не изменяет память, на втором курсе. Мне было тогда 16 лет, это точно! Концерт проходил в большом главном зале, а репетировали мы в общежитии в своей комнате,

> Кирилл Паршаков и Анна Гудыно

еще всероссийский, где я дошел до финала и получил приз зрительских симпатий. И, конечно, в то время сама мысль о том, что за меня болеют многие люди, была необыкновенно приятна. Потом 4 курс и кропотливая, в течение всего года, подготовка дипломной программы.

Вы получили классическое образование, но последовавшие за этим 15 лет провели в танго. Как же в вас все это сочетается?

поддерживаю форму скрипача. (От редакции добавим, что 19 октября в Инсбруке на фестивале TangOtopo состоится дебют нового дуэта в составе Александра, скрипка, и Артема Тимина, рояль. Они исполняют произведения Моцарта, Чайковского, Рахманинова, Шопена и танго-музыку. Организаторы фестиваля проанонсировали этот концерт классической музыки как предфестивальный, поскольку он пройдет до фестиваля, и как мировую

ми из самых сложных в техническом отношении произведениями. Просто в студенческие годы мне не хватало элементарных технических навыков. Сейчас со временем я что-то поднабрал, накопил и могу себе позволить. Правда, пока это опять же дома. А дом и сцена – это два абсолютно разных мира. На сцене другие ощущения всего вообще – себя, времени. Вот почему на сцену надо выходить как можно чаще, как бы ни было это страшно.

Вы можете сейчас сказать, что танго музыка стала для вас родной?

А. Р. Конечно, единственно, что я все еще учусь, и надеюсь, что буду учиться и дальше. Именно как танго-скрипач. Если не развиваться, то наступает застой. А мы все знаем, что это не самое позитивное, что может быть. Принято считать, говоря о скрипке, что это – душа танго. А что это для вас значит?

А. Р. У скрипки в танго весьма простая функция – она поет, сглаживая все резкости бандонеона и ударность контрабаса и рояля. Невидимой нитью она как бы соединяет все это в одно целое. Скрипка даже может заменить собой вокал - певца или певицу.

Кстати, и ваше поведение на сцене тоже отличается от других музыкантов. Есть в этом связь?

А. Р. Думаю, да, инструмент накладывает определенный отпечаток. К тому же мой инструмент, моя скрипка, – довольно-таки мягкая. Некоторые даже считают, что она подходит больше для женщин. У нее приятное звучание, мягкий тембр, очень такой культурный, породистый. Именно такой, в моем представлении, скрипка и создана для танго. Скрипка действительно – часть моей жизни. Если ее отложить на месяц-другой, то, может быть, и я как-то поменяюсь, внешне в том числе.

Давно ли у вас этот инструмент?

А. Р. Я приобрел его как раз в тот момент, когда Solo Tango Orquesta только начинался.

В декабре 2010 года, когда мы уже полгода играли. Получается почти шесть лет.

У некоторых музыкантов даже особые отношения складываются со своим инструментом. А как у вас?

А. Р. Да, это так. Когда мы куда-то приезжаем на концерт, я всегда хожу с ней. Стараясь не оставлять ее в гримерке надолго без внимания. Просто потому, что это часть меня. Кто ваш идеал скрипача в танго?

А. Р. Из старых скрипачей Элвино Вардаро и уже в более поздний период Энрике Марио Франчини, Антонио Агри и Фернандо Суарез Паз. Два последних - это скрипачи Пьяццоллы, с которыми он долго сотрудничал. До него они играли в главном симфоническом оркестре Аргентины и были лучшими, и Пьяццолла их взял. Фернандо Суарез Паз еще жив и до сих пор играет. Такой очень душевный скрипач.

А вот Элвино Вардаро как раз из золотого века танго, даже немного из «старой гвардии». У него был свой секстет, но он также успел поработать с Пьяццоллой. Правда, недолго и вскоре скончался. В память о нем Пьяццолла написал танго «Вардарито». Пожалуй, самый приятный тембр из старых скрипачей у Вардаро.

Solo Tango Orquesta в августе этого года исполнилось шесть лет. По человеческим меркам это детский возраст, применительно к коллективу, скорее всего, иначе?

А. Р. Конечно, возраст человека и возраст коллектива – вещи абсолютно разные. Шесть лет вместило огромное количество событий. Мы объездили очень много стран, в очень многих залах мы давали концерты, на очень многих милонгах мира мы играли. Причем на самых разных, начиная с самых маленьких и, заканчивая, просто огромными, где больше 1000 человек на танцполе. Абсолютно разная энергетика, разная атмосфера. И очень много времени мы провели и продолжаем проводить вместе. Так что нам есть к чему стремиться, есть куда расти. Это главное. И хотя мы вместе уже много лет, мы до сих пор продолжаем узнавать друг друга. Не только как людей в поездках, но и как музыкантов на сцене. И, я надеюсь, что так будет продолжаться и дальше.

Насколько мне известно, вы в аспирантуре и как раз по теме «Камерный ансамбль». Вам это помогает?

А. Р. Аспирантуру я не закончил, но изначально целенаправленно пошел на «Камерный ансамбль». Дело в том, что в академии мне очень повезло с педагогом – Валерием Петровичем Самолетовым. Он, к сожалению уже ушел из жизни. По натуре он был очень спокойным, рассудительным, вежливым. И такое было ощущение, что он не из нашего времени, а, как будто, из XIX века. Может быть, даже с титулом какого-нибудь графа и с соответствующей родословной. Очень

культурный, обходительный. И он также относился к музыке – очень уважительно, иногда по-философски. Конечно, как педагог, он сильно притягивал. Но попал я к нему в класс не сразу, а в последние два года. Так что поступать к нему в аспирантуру именно на «Камерный ансамбль» было вполне естественно.

В последние годы мне как раз было интереснее играть не solo, а в ансамблях. В квартете мне всегда нравилось играть вторую скрипку. Не знаю почему. Вряд ли я боялся каких-то технических сложностей. Например, в училище и академии я не боялся вообще ничего (смеется – ред.), может быть, в силу возраста или молодого задора. Наоборот, играть мне было интересно все, и чем сложнее, тем лучше. При этом вторая скрипка меня привлекала тем, что ее второй голос, скажем так, выгодно оттеняет первую где-то там высоко, первую скрипку. Мне всегда нравились вот эти такие интересные вторые голоса. Во второй скрипке есть все. Если первая аккомпанирует с неохотой и редко, то вторая и аккомпанирует, и подпевает, и солирует. Вот, что я могу сказать про мою любовь к ансамблю. Она всегда была, но просто на какой-то момент заснула, а потом с новой силой проснулась и живет до сих пор.

До сих пор я радуюсь, когда предоставляется возможность исполнять на сцене интересные сочинения с интересными музыкантами. А этот год, в силу обстоятельств, всем известным, был у нас яркий на впечатления, поскольку мы играли со многими бандонеонистами. Большое счастье вот так неожиданно открывать музыкантов! Казалось бы, вот только вчера ты видел их на видео, а сегодня уже с ними на одной сцене. И один из них Лутаро Греко. К счастью, он скоро придет в Москву еще раз.

А еще, как я уже говорил, до сих пор открываются какие-то приятные моменты в игре между нами самими. Мы получаем истинное удовольствие от взаимодействия друг с другом на сцене на протяжении вот уже шести лет, и, надеюсь, это не закончится! Solo Tango Orquesta - действительно прекрасный ансамбль солистов. На сцене видно ваше взаимодействие. Чувство локтя – оно присутствует?

А. Р. Чем меньше людей, тем проще ощутить локоть. На сцене надо играть слажено, поэтому это чувство действительно важно. Мы можем где-то не сходиться в темпах, что у нас редко, но бывает. Однако на сцене надо дышать вместе. Это как раз зарабатывается с годами и даже не столько репетициями,

> Кирилл Паршаков и Анна Гудыно

сколько выступлениями. За все эти годы мы, конечно, друг к другу притерлись, что называется, прикипели.

А сейчас у вас расширенный состав...

А. Р. Да, мы экспериментируем, пробуем. Рамками квартета мы никогда не замыкались. В самом названии оркестра изначально было слово Orquesta, что подразумевает совершенно разное и количество инструментов, и сами инструменты. Мы уже сотрудничали с ударниками. Собственно первое выступление Solo Tango состоялось именно с ними, и была идея оставить ударные инструменты в качестве постоянной части нашего коллектива. Но для традиционного танго их звучание не очень подошло, а вот для современного выглядит иногда очень даже колоритно. Поэтому мы уже несколько раз выступали вместе с замечательным ударником Николаем Льговским.

А что касается бандонеона, то, если есть возможность поиграть вдвоем или втроем, почему нет? И вот сейчас у нас такая возможность есть - играть с двумя бандонеонами.

В струнной группе Solo Tango два челове-

ка – я и мой напарник Саша Митинский. И иногда к нам присоединяется еще и второй скрипач. Кстати, Саша, хотя и может играть на скрипке, играет на альте. Просто как-то раз ребята решили, что раз у альты такой глубокий тембр, пусть будет именно он. Струнной группе тоже надо притираться друг к другу, чистить интонацию и следить за идентичностью штрихов и фраз. Но все это решается на репетициях, и потом на сцене мы замечательно играем, даже об этом не думая.

Уже в этом сентябре мы в расширенном составе, секстетом, едем сначала в Южную Корею, а потом в Финляндию. Это и есть один из тех стимулов, о которых я уже говорил. Интересно прозвучать не только дома, на московских милонгах, но и за рубежом. У вас такая обширная гастрольная программа, что даже непонятно, откуда берется время на репетиции, да и вообще бываете ли вы дома?

А. Р. Времени всегда хватает, если его использовать рационально. Но, конечно, бывают периоды, когда поездки идут одна за другой, как, к примеру, этой осенью. Однако

> Первый концерт Solo Tango Orquesta на сцене Филармонии-2, зал им. Рахманинова. 2 апреля 2016

сейчас, летом, когда у нас большие паузы между выступлениями, есть время «перезарядить батарейки». Или выучить что-то новое или написать что-то новое, поскольку мы еще и пишем свою музыку.

Вы объездили огромное количество стран. Где играть лучше и почему, а где, может быть, и нет?

А. Р. Вы знаете, я публику не разделяю на «плохую» и «хорошую». Так что мне так сразу на ум ничего не приходит. Наверное, тяжелее там, где публика менее отзывчивая, менее теплая. Но на моей памяти таких случаев было по пальцам одной руки пересчитать, и я не заострял на них внимание. Комфортно в принципе везде. У людей есть уши, есть слух, пусть даже не абсолютный. Человек слышит, прежде всего, каким-то внутренним слухом, по крайней мере, я в это верю. И когда даешь ему что-то идущее лично от себя, от сердца, это, безусловно, отзовется. А, когда получается сделать так всем вместе, всем ансамблем,

- это самый замечательный момент, какой только может быть на сцене! И за это публика всегда благодарна.

Вас публика действительно принимает очень горячо. Но вы ведь и сами себеставляете оценку. Всегда ли совпадает восторженный прием публики с вашей собственной?

А. Р. Никогда не совпадает. Я довольно критичен по отношению к себе, и считаю, что всегда можно сделать лучше. Поэтому оценка не совпадает практически никогда. Нет, на самом деле аплодисменты – это такое приятное завершение либо пьесы, либо концерта. А громкие аплодисменты и скандирование, которое иногда бывает, это еще более приятно. Как бальзам на душу! Но я никогда не заострял внимание на том, сколько раз нам прокричали браво, мне это не так важно. Не кричат браво, ничего страшного. Я не для этого играю.

Я оцениваю всегда основную часть выступления – музыку, в том числе и ее какие-то технические моменты, которые всегда мож-

но сделать лучше. А еще психологическое состояние на сцене, что тоже немаловажно, самоконтроль. Вот сколько лет я уже выхожу на сцену, а не всегда все гладко с самоощущением на ней.

В последнее время вам приходится на сцене еще и рассказывать о танго, и представлять музыкантов. Как вы к этому относитесь?

А. Р. Мне это, конечно, нравится, но только тогда, когда я чувствую себя на одной волне с залом. Но, к сожалению, не всегда так бывает. По натуре я вообще не самый общительный человек, а тут приходится обращаться к зрителям. И вот, кстати, в такой ситуации, как и в любой компании, удачно пошутить – это, наверное, путь к сближению с публикой.

Solo Tango Orquesta – единственный российский танго-оркестр, имеющий абонемент в Доме музыки, а с этого года еще и в Московской филармонии. Можно так сказать, что вы концертирующий танго-оркестр? Что это вам дает?

А. Р. Да, можно. Но у нас есть не только абонементы в эти залы, но и «абонементы» на крупные танго-фестивали в Европе. Мы туда ездим по пять-шесть лет подряд, и организаторы все еще не устали от нас. Прежде всего, это один из крупнейших и старейших в Европе, проходящий ежегодно во время Пасхи в Базеле, Швейцарии. Он так и называется «Пасхальный фестиваль». А еще проводимый весной и растущий год от года фестиваль TangoFest в Дрездене. Шесть лет подряд в октябре мы ездили в Инсбрук на фестиваль TangOto o. Сейчас уже во второй раз в сентябре поедем в Сеул. Там проходит, хотя и местный по значению фестиваль для корейцев, но довольно крупный, с главной милонгой на острове. Еще мы достаточно часто играем на популярной милонге в клубе «Aldobaraldo» в Турине и уже несколько лет – на «Palatango», одной из крупнейших милонг в Милане. Вот только небольшая часть того, что мы делаем.

В чем для вас разница между выступлениями на милонгах и на концертах?

А. Р. В настроении и атмосфере. На концерте цель – послушать музыку, и в ее предвкушении все сидят тихо и смирно. А на милонге мы чередуемся с диджеем, и атмосфера танго для нас уже создана, поскольку все танцуют. Отсюда и наша задача – развить ее и усилить. На милонге у меня действительно возникает какое-то особое настроение.

Но могу сказать совершенно точно, что играть мне нравится и на милонгах, и на концертах. И я хочу, чтобы и того, и другого у нас было больше. Чтобы было больше стимулов, больше вызовов. И, хотя число поездок с каждым годом неуклонно растет, по-прежнему хочется еще и еще. Вот такая жажда новых впечатлений и новых эмоций!

Замечательно, что вы находитесь в таком состоянии. Но вот вы говорите о вызовах. Первая поездка в Буэнос-Айрес, наверное, и была таким вызовом? Ведь тогда ваш оркестр Solo Tango существовал всего два года...

А. Р. Да.

Вы поехали в Буэнос-Айрес на две недели. Чем они были заполнены?

А. Р. В то время это была наша самая продолжительная поездка. Позднее у нас такие гастроли случались, но нечасто. А однажды нас не было дома целых три недели, правда, с перерывом. Выступали в Австралии и Сингапуре.

Но тогда в Буэнос-Айресе был действительно определенный страх. Не потому, что мы всего два года играем. К тому времени

мы были уже опытные танго-музыканты с довольно обширным репертуаром, мы были сыграны. Так что единственные опасения были – как там? Потому что это как другая планета, планета Танго. Буэнос-Айрес – это родина танго, все пошло оттуда, и соответственно там и публика, которая все знает, все слышала. Как они воспримут? Но очень быстро, буквально, на второй композиции оказалось, что публика воспринимает гораздо активнее, чем в какой-либо стране мира. Реагируют на каждую сольную партию, причем прямо во время исполнения. И все оказалось в плюсе. Публика была настолько благодарная, что самое большое количество бисов, которые мы за свою карьеру сыграли, было как раз в Аргентине. Шесть, если мне не изменяет память.

Это ваш рекорд?

А.Р. Да. А еще в первый приезд мы были на радио, причем дважды. Это было популярное танго-радио «La 2 x 4», где постоянно идут какие-то обсуждения, постоянно звучит музыка танго. В этом известном месте играли очень многие аргентинские

звезды танго. С тех пор прошло уже 4 года, но я помню, что мы сыграли три или четыре танго, и что прямой эфир велся не только на Аргентину, но и еще на несколько стран Латинской Америки. Нам задавали самые разные вопросы и, в частности, интересовались тем, что, как это так, – «мы, такие молодые русские, из далекой, холодной страны, играем их музыку, причем играем, так здорово». Безусловно, это были очень позитивные впечатления.

В Буэнос-Айресе мы были уже три раза. И если первый раз мы выступали только на милонгах, то во второй – уже на крупнейшем в Буэнос-Айресе фестивале «Мистерио танго-фестиваль» (2013 и 2015 годы – ред.) на гала-концерте в театре. А в наш последний приезд в Буэнос-Айрес мы участвовали еще и в четырех танго-спектаклях в театре «Paseo La Plaza» на улице Corrientes.

Александр, спасибо за беседу. Мне бы хотелось завершить ее именно на «аргентинской» ноте. Успеха вам во всех ваших начинаниях!

Беседу вела Светлана Котова
Фото Владимир Косарев

